

## Глава 24. Естественность

Ночной горный ветер приносил желанную прохладу, а фитиль масляной лампы весело и неустанно плясал, разгоняя полумрак.

Спину Цзинь Линьэра нестерпимо саднило и зудело, заставляя его то и дело поводить худыми плечами.

За последние пару лет он сильно вытянулся. Линьэр никогда не знал тяжелого труда, почти не упражнялся в боевых искусствах, а потому сложен был изящно и хрупко — на его бледной спине отчетливо проступали крылья лопаток. Спадающие черным шелком волосы прикрывали затылок, обнажая лишь чистую, белую, как свежий наст, шею.

Сунь Цинфэн прижал его ладонью к постели, не давая ворочаться. Огрубевшие от оружия пальцы коснулись гладкой кожи. Линьэр извивался под ними, точно скользкий вьюн, отчего Цинфэн невольно хмыкнул:

— Ишь, какую неженку вырастили.

— Это потому, что брат меня балует, — с явной гордостью отозвался Линьэр.

— Не вертись, — буркнул Сунь Цинфэн. Он старался действовать как можно мягче, боясь ненароком причинить ему боль. Хотя в глубине души прекрасно знал: этот маленький дьяволёнок вовсе не так хрупок, как кажется.

Пламя лампы тускло колебалось, выхватывая из темноты лишь крохотный пятachок света.

Сунь Цинфэн скользнул пальцами по спине юноши и наткнулся на старый шрам, тянувшийся наискось от правой лопатки к самой пояснице. В памяти его мгновенно воскресла заснеженная Лощина Абрикосового цвета, укрытая робким белым пухом...

Придя в себя, он торопливо отдернул руку. Пытаясь скрыть секундное замешательство, негромко проворчал:

— Ну и бестолочь ты. Не сыскать на всем свете дурня больше тебя.

— Куда уж мне до тебя, брат, — отозвался Линьэр.

— Поговори мне еще, — Сунь Цинфэн беззлобно щелкнул его по затылку. Нагнувшись ниже, он осторожно отвел в сторону длинные пряди и наконец разглядел на бледной шее и плечах несколько воспаленных розовых бугорков. С виду — пустяковые ранки, но у него от них болезненно сжалось сердце.

Капля пота сорвалась с кончика носа Сунь Цинфэна.

Не успев толком осознать, что делает, он резко выбросил ладонь вперед. Обеденный стол, который он еще недавно пинал в сердцах, с грохотом отлетел к самому окну. Несчастному ветхому вязу, из которого тот был сколочен, сегодня явно грозило испустить дух.

Линьэр вздрогнул от неожиданности:

— Брат?

Пытаясь как-то загладить свою странную вспышку, Сунь Цинфэн подхватил юношу на руки, пересадил на стол у окна и при свете луны принялся дотошно осматривать его спину. Проверив раны раза три, он наконец облегченно выдохнул:

— Пять укусов. Яд едва вошел. Считаю, легко отделался, везучий ты гаденыш.

— Я просто всё рассчитал, — с самым серьезным видом заявил Линьэр.

— Ты-то? Сам-то в это веришь?

Сунь Цинфэн хмыкнул и легонько шлепнул его по затылку. Снова накалив швейную иглу над огнем лампы, он принялся ловко и аккуратно обрабатывать укусы.

— М-м... — простонал Линьэр. Стоило игле коснуться раны, как его пронзила острая, жгучая боль. Но выдать себя он не смел, боясь разозлить Цинфэна еще сильнее. Уткнувшись лицом в сгиб локтя, он изо всех сил закусил собственную ладонь, подавляя стоны.

Однако чем упорнее он сдерживался, тем сильнее он дрожал. Белая, как полированный нефрит, спина покрылась испариной, мерцая в серебристом лунном свете. В этой хрупкой плоти билась сама жизнь — горячая, неукротимая.

Сунь Цинфэн внезапно замер. Отложив иглу, он заговорил непривычно сурово:

— Ты от природы неугомонен, и я никогда не пытался держать тебя в узде. Но у всего есть предел. Пойми наконец: если ты погибнешь, пострадаю не только я. Твоя смерть всколыхнет всю гору Хуашань, а следом — и Чанъаньскую префектуру.

Линьэр лежал, повернув голову набок, чтобы глотнуть воздуха. Щеки его пылали, на висках еще бились тугие жилки, а на укушенной ладони остался глубокий розовый след от зубов.

— Я всё понимаю, — прошептал он упавшим голосом.

Сунь Цинфэн нахмурился, решив, что малец просто отмахивается от его слов.

Молча закончив обрабатывать раны, он отставил уксус и иглу, подошел к очагу и подобрал тяжелую сухую ветку, заменявшую хворост.

— Брат? — Линьэр покосился на него. На лице Сунь Цинфэна блестел пот, черты лица тонули в глубоких тенях, а вся его фигура дышала угрозой, какой юноша прежде никогда от него не чувствовал.

— Ты терпеть не можешь пить кровь — я уступил, — заговорил Сунь Цинфэн тоном, не терпящим возражений. — Ты боишься смерти — я защищаю тебя. Но ты обязан верить мне. Каждому моему слову. Запомни раз и навсегда: твоя жизнь важнее всего на этом свете. Важнее любой другой.

Этот незнакомый, холодный Сунь Цинфэн пугал Линьэра. Не смея смотреть ему в глаза, юноша спрятал лицо в ладонях и глухо выдавил:

— Хорошо.

Но про себя подумал:

«Брат оберегает меня от своих тягот лишь потому, что считает слабым. Чтобы доказать ему, что я достоин его доверия, я не должен бросать свои тайные тренировки. Только преодолев страх перед Божественным искусством Золотого облика, я смогу встать с ним плечом к плечу»

Сунь Цинфэн сразу заметил, что мысли мальчишки витают где-то далеко. Наступив ногой на стул, он подцепил его подбородок концом ветки, заставляя поднять голову.

Его голос прозвучал еще суровее:

— Я не отец тебе и не брат. Не будь в твоём теле Золотой печати, мы бы и знать друг друга не знали. Будешь слушаться — обиженным не останешься. Но не смей воображать, будто ты мне дорог. Мне нужна лишь печать, которую ты носишь.

Линьэр понимал, что Цинфэн говорит это в сердцах, пытается припугнуть, но слова всё равно больно ударили по нему. Не веря собственным ушам, он растерянно покачал головой. Он смотрел на Сунь Цинфэна со слезами в глазах, как преданный, брошенный щенок.

— Это неправда, — едва слышно пролепетал он.

— Мне плевать на твои обиды и мысли, — отрезал Сунь Цинфэн. На его лице не было Талисмана призрачного рождения, и подлинный его облик сейчас казался пугающе жестким, а

он нахмурился так, что брови сошлись, точно лезвия мечей. — Запомни одно: ты не имеешь права рисковать собой. Понял?

Глядя в эти мокрые, полные тоски глаза, Сунь Цинфэн почувствовал, как в груди болезненно сжалось сердце, но заставил себя остаться непреклонным. В его собственном взоре горел холодный огонь.

— Если понял, протяни руку. Ты должен усвоить этот урок.

Линьэр нерешительно вытянул ладони вперед:

— Брат, я правда всё понял... Я не из упрямства. Я просто не хочу больше быть обузой. Я... я тоже хочу тебя защитить.

Глядя на эти бледные, мягкие ладони, Сунь Цинфэн ощутил, что замер, не в силах ударить.

Все его злые слова, кроме одного — о ценности жизни Линьэра, — были ложью от начала до конца. Он просто не умел воспитывать детей и не нашел иного способа, кроме как запугать.

«Его жизнь — это моя жизнь, — пронеслось в голове у Цинфэна. — Его боль — это моя боль. Ударить его этой палкой — все равно что ударить самого себя. Кого я сейчас наказываю: его или себя?»

Сухая ветка с тихим стуком вывалилась из его пальцев.

Линьэр, все еще лежа на столе, снизу вверх посмотрел на него:

— Ты действительно собирался меня побить? Если тебе от этого станет легче — бей. Я не обижусь.

Сунь Цинфэн глубоко вздохнул, чувствуя, что готов окончательно сдаться. Но уступи он сейчас — и этот сорванец совсем от рук сбьётся, позабыв о всяком страхе.

Линьэр, уловив его колебания, решил облегчить ему задачу и, напустив на себя беспечный вид, намеренно подзадорил:

— Ну же, брат, бей скорее, да пойдем спать. Я смертельно устал.

Сунь Цинфэн, взвинченный до предела, не распознал уловки. Порывисто дернув юношу за пояс домашних штанов, он высоко замахнулся и отвесил ему звонкий шлепок пониже спины.

Раздался резкий хлопок. На бледной коже мгновенно расплылся багровый след ладони.

— Будешь еще своевольничать? — выдохнул Цинфэн. Он чувствовал жжение в ладони, словно его самого ранили в бою.

Линьэр, хоть и готовился к худшему, от неожиданности совсем растерялся.

«Брат... действительно ударил меня? Я и вправду так сильно его рассердил?»

В его голове замелькали самые жуткие картины: вот Цинфэн бросает его, уходит насовсем, оставляет одного... Волна запоздалого раскаяния и обиды накрыла его с головой, и юноша разрыдался в голос — горько, безутешно.

Сунь Цинфэн молчал, не пытаясь его утешить.

Линьэр плакал все отчаяннее, вырываясь и крича сквозь слезы:

— Я виноват! Слышишь? Я больше никогда не буду! Я во всем буду тебя слушаться, только не бросай меня, умоляю!

Он кричал, пока окончательно не охрип. Но когда наконец приоткрыл опухшие глаза, то обнаружил, что Сунь Цинфэн, оказывается, ограничился всего одним шлепком... и уже давно лежит на постели, отвернувшись к стене.

Пристыженный Линьэр тихонько забрался на кровать и попытался пристроиться под бок к Цинфэну, но тот завернулся в одеяло так плотно, что не оставил ему ни единой щелочки.

Пришлось юноше ютиться под собственным холодным краем. Достав из-за пазухи глиняный свисток в виде кошечки, купленный в Чанъани, он крепко прижал его к груди и, всхлипнув напоследок пару раз, забылся тяжелым сном.

Сунь Цинфэн открыл глаза. В темноте он осторожно коснулся мокрой щеки Линьэра, стирая остатки слез, затем провел пальцем по глиняной голове игрушечной кошки в его руках. Он беззвучно прошептал что-то сокровенное.

Он посмотрел в окно на далекую луну. Луна оставалась прежней, но красива она или уродлива, да и весь этот мир — прекрасен он или безобразен, Сунь Цинфэну теперь было глубоко безразлично.

\*\*\*

После той ночи между ними снова пролегла прежняя холодность, как в самые первые дни их знакомства. Сунь Цинфэн ходил хмурый и неприступный, а Линьэр вел себя тише воды, ниже травы.

Но на самом деле все изменилось бесповоротно.

Цинфэн просто боялся, что если даст слабину, малец окончательно сядет ему на шею, а потому изо всех сил разыгрывал строгого старшего. Была у него и другая тревога — тайная, пугающая, о которой он не смел признаться даже самому себе.

Линьэр тоже мучился сложными чувствами. Раньше он заглядывал Цинфэну в рот из страха быть брошенным. Теперь же, став учеником школы Хуашань под именем Сюэ Няньлан, обрета названного деда и названных братьев, он твердо знал: их жизни связаны неразрывно. И именно поэтому ему не хотелось злоупотреблять привязанностью Цинфэна.

«Если брат возненавидит меня, но будет обречен делить со мной каждый день, каково ему будет?» — думал он.

Он понял главное: Цинфэн действительно не был ему ни отцом, ни братом. Он был кем-то гораздо более важным — единственным человеком на земле, которого Линьэр любил больше жизни и хотел защитить во что бы то ни стало.

\*\*\*

Лето пролетело незаметно, уступив место изнурительному осеннему зною. Солнце нещадно палило, а удушливые горные испарения лишь сильнее разжигали внутреннее беспокойство.

Сунь Цинфэн по-прежнему помогал на кухне, из-за чего от него постоянно пахло дымом и гарью. Линьэру же приходилось регулярно пить кровь, и как бы тщательно он ни мылся, от него нет-нет да и веяло тяжелым запахом скотины.

Другие ученики школы Хуашань, привыкшие к строгой чистоте и уединению, держались от них в стороне. Эти двое казались им неотёсанными чужаками со странными повадками. К тому же младший, Сюэ Няньлан, никогда не выказывал особых талантов, но умудрился стать личным учеником самого главы школы, что вызывало у многих глухое раздражение и зависть.

Линьэр случайно услышал, как за его спиной шепчутся об их «удачах» и странностях. Он не обижался, понимая, что люди просто не знают правды, и надеялся при удобном случае поговорить со всеми начистоту и уладить недоразумения.

Но однажды, беседуя с несколькими недоброжелательно настроенными соучениками, он, должно быть, не рассчитал тон и задел их самолюбие.

Те в ответ принялись злословить, заявляя, будто от Сунь Цинфэна за версту несет разбойничьей желчью, да и сам он грубиян, недостойный топтать землю даосской обители, а уж тем более — числиться братом личного ученика главы.

Собственные обиды Линьэр готов был проглотить, но нападки на Цинфэна привели его в ярость. Не выдержав, он ввязался в спор. Не умея драться, он сразу оказался на земле: соперники легко толкнули его. Линьэр очень хотел дать сдачи, но побоялся, что не удержит внутреннюю силу Золотой печати и покалечит их, а потому лишь молча терпел толчки, упрямо не желая уступать.

Эту сцену застал старейшина Чжан Цинсюань, ведающий соблюдением правил. Обидчики тут же поспешили выставить себя жертвами. Суровый старейшина не терпел драк и не любил долгих объяснений. Линьэр не успел и рта раскрыть, как его приговорили к полумесяцу заточения в собственной пещере — Обители Скопленных облаков.

Линьэр, и без того охладевший к тренировкам, не слишком расстроился. Он лишь в двух словах объяснился с Чжоу Синъюнем, одолжил у него несколько даосских трактатов и заперся в прохладной пещере.

Сунь Цинфэн не стал его ругать. Напротив, он был приятно удивлен его сдержанностью.

— На чужое твяканье плевать с высокой колокольни, — наставительно произнес он. — Минутная слабость или обида — пустяки. В этот раз ты поступил как мужчина.

Линьэр, хоть и польщенный похвалой, недоуменно спросил:

— Но ты ведь сам говорил, что моя жизнь важнее всего?

— А они собирались тебя убить? — прищурился Цинфэн.

Линьэр покачал головой:

— Я знаю, что они не со зла. Будь я на их месте — тренируюсь день и ночь, пока какой-то бездельник получает все милости учителя, — я бы тоже исходил злостью. Я сам виноват, сболтнул лишнего.

— На тебя не похоже, — хмыкнул Сунь Цинфэн.

— Когда говорят обо мне — пусть их, — тихо признался юноша. — Но когда они начали полоскать тебя... тут я не сдержался. Правда разозлился.

— Самое главное — беречь нашу тайну, — мягко пояснил Цинфэн. — Если прямой угрозы нет,

лучше уступить и обойтись без шума. Это называется искусством выживания. Но если кто-то действительно замыслил против тебя зло — бей без пощады, око за око. А вот твоя прошлая глупость с осами — это чистой воды ребячество. Понял?

— Понял, — со всей серьезностью кивнул Линьэр.

Сунь Цинфэн взъерошил ему волосы в знак примирения. Посмотрев на далекие вершины, он небрежно бросил:

— Прошлый раз... я сгоряча наговорил лишнего. Не думал я тебя бить. Забудь.

— Да ладно тебе, брат! Один удар — и мы квиты, — Линьэр с разбегу повис у него на шее, утыкаясь носом в подбородок. — Всё, что ты делаешь, правильно. Даже если кажется глупостью, я знаю — это ради меня. Я никогда на тебя не обижусь.

— Хм, — Сунь Цинфэн непривычно смолчал, не став отпускать колкости. Он лишь слегка одеревенел, а на его щеках проступил едва заметный румянец.

Пока Линьэр отбывал наказание, Цинфэн по-прежнему ходил на работу в Павильон Вопросания Дао. Не желая оставлять названного брата без присмотра, он попросил Чжоу Синъюня навещать его, а по вечерам приносил ужин на троих.

В первый же вечер Чжоу Синъюнь принес Линьэру деревянный меч. Юноша пришел в полный восторг и тут же принялся увлеченно им размахивать.

— Я рассказал о твоей беде учителю, — поделился Синъюнь. — Он человек широких взглядов. Поручил мне понаблюдать за тобой и решить, стоит ли обучать тебя мечу. Видя твое терпение и великодушие, я считаю — время пришло.

Линьэр рассыпался в благодарностях. Ему показалось, что тонкий аромат холодной сливы, исходивший от старшего соученика, сегодня был особенно приятным.

— Старший брат, а почему от тебя всегда так чудесно пахнет? — полюбопытствовал он.

Чжоу Синъюнь снял с пояса узорчатый серебряный шарик:

— Это серебряная сфера для окуривания, внутри сушеные цветы горной сливы из Башу. Слыхал ли ты о легендарном Бессмертном мече Чжоу Ваншу?

— Так ты его потомок?! — вытаращил глаза Линьэр.

Синъюнь смущенно улыбнулся:

— Вовсе нет. Лишь наслушался преданий о том, что Бессмертный меч был как-то связан с нашим цзяннаньским родом Чжоу. Я восхищаюсь им и однажды прошел по его следам. В глухой рыбацкой деревушке на берегу Восточного моря мне удалось разыскать его меч Ваншу и вот эту самую подвеску. Ношу ее как напоминание... Пытаюсь подражать великим, хоть и выходит неумело.

— У тебя благородное сердце, брат Чжоу, ты обязательно станешь великим мастером. Жаль, что я... — Линьэр вовремя прикусил язык, чтобы не сболтнуть лишнего про свою настоящую фамилию Чжао. — Жаль, что я родился в Байхае, а не на горе Цинмин.

— Почему же?

— Да у нас на Цинмине Чжао — самый почитаемый род. Родился бы я там, глядишь, назвался бы родственником генерала Чжао Чжэня, названного брата Бессмертного меча. Мы бы с тобой тогда были еще ближе!

Чжоу Синъюнь тихо рассмеялся:

— Родство тут мало бы помогло.

Линьэр хлопнул себя по лбу:

— Ах, совсем из головы вылетело! В книжках ведь пишут, что сын генерала Чжао Чжэня, Чжао Лин, и великий герой Цэнь Фэйюй были... этими... обрезанными рукавами.

Чжоу Синъюнь посерьезнел:

— После трагедии у Юймэньских ворот генерал Чжао Чжэнь без вины принял позор и был изгнан за пределы заставы. Его сын Чжао Лин — полукровка, известный также под именем Чжэси Байма, — с детства мыкал горе в плену у хунну, терпя побои и унижения. Но он обладал негибимой волей и чистым сердцем. Пройдя сквозь ад, он сумел очистить имя отца. Он — настоящий герой.

Казалось, в этих словах крылся глубокий намек, но Линьэр не привык искать тайный смысл там, где его не просили, и принял все за обычный рассказ.

Видя его простоту, Синъюнь мягко улыбнулся:

— Няньлан, я бы хотел, чтобы ты брал пример с Чжэси Байма. В какие бы дебри ни завела тебя судьба, храни чистоту души, держись добра и следуй праведным путем.

— Обещаю, я не подведу! — торжественно поклялся Линьэр.

Чжоу Синъюнь официально взялся обучать его базовой технике Хуашань — Мечу Чистого ветра. Эти девять приемов славились своей легкостью, стремительностью и непредсказуемостью. Обычные ученики тратили год только на заучивание стоек, два — на связки, три — на переходы, и лишь к пятому году добивались малейших успехов.

Линьэр не хватал звезд с неба, но занимался с таким рвением и упорством, что его былая лень испарилась без следа.

В унылые горные вечера, когда делать было совершенно нечего, Линьэр иногда пытался просить совета у Сунь Цинфэна. Но стоило ему подойти к названому брату, как вся его прилежность, которую он выказывал перед Синъюнем, сменялась капризным кокетством.

Впрочем, для Сунь Цинфэна это было самым уязвимым местом. Стоило Линьэру пустить в ход свое детское очарование, как строгий воин сдавался без боя, бормоча: «Ладно, не хочешь — не учись, пока я жив, тебе бояться нечего».

Зато Сунь Цинфэн оценил присутствие Чжоу Синъюня. Когда у того выдавалось свободное время, а у самого Цинфэна было хорошее настроение, он даже соглашался скрестить с ним мечи, помогая молодому даосу оттачивать мастерство.

Разумеется, за плечами Цинфэна были две сотни лет войн и горы трупов гуйфанцев. Синъюнь, при всем своем таланте, казался ему сущим младенцем. Чтобы не выдать себя, Сунь Цинфэн искусно сдерживал силу, показывая лишь малую толику своего мастерства.

Вечернее небо полыхало багрянцем и золотом, окрашивая лесистые кручи в глубокий малахитовый цвет. У пещеры Скопленных облаков свистели деревянные клинки, вздымая вихри сухой листвы.

Чжоу Синъюнь стремительно бросился вперед, имитируя удар в правое плечо, но в последний миг перенаправил острие к левой ноге противника.

Сунь Цинфэн, заложив одну руку за спину, даже не шелохнулся. Легким движением кисти он выставил блок — «Духовная змея держит пилюлю».

Обычный деревянный брусок в его пальцах ожил, превратившись в юркую чешуйчатую змею. Проскользнув сквозь безупречную защиту Синъюня, он мягко погасил инерцию его выпада и плашмя отбил клинок в сторону.

Синъюнь ждал этого. Накануне он не раз уступал этой обманчивой «Змее» и теперь, решив во что бы то ни стало пробить оборону, применил хитроумный прием: нарочно открыл левый фланг, заманивая соперника, а в момент контратаки резко вывернул кисть. Меч взмыл вверх

серебряной молнией, едва не задев бок Цинфэна.

С висящего на поясе Сунь Цинфэна шелкового мешочка срезало кожаный ремешок, и тот с тихим стуком шмякнулся в траву.

— Bravo, старший брат! — радостно запрыгал Линьэр.

Одобрительный прищур Сунь Цинфэна мгновенно сменился недовольством. Не дав противнику опомниться, он сделал молниеносный выпад, ударил Синъюня по локтю и в долю секунды выбил оружие у него из рук.

Синъюнь даже глазом моргнуть не успел, как острие деревянного меча уже уперлось ему в кадык.

Линьэр испуганно замер и попытался тихонько бочком ускользнуть в пещеру.

Цинфэн подбросил меч в воздух, поймал его за рукоять и ловко вогнал в ножны за спиной. Склонившись, он подобрал упавший мешочек.

— Ну и как тебе твой брат? — громко крикнул он вслед улепетывающему сорванцу.

— Брат... брат просто жульничает!

Поняв, что побег сорвался, Линьэр вернулся, бесцеремонно вырвал мешочек из его рук и заглянул внутрь. Обнаружив там лишь старую, лишившуюся язычка погремушку, он разочарованно протянул:

— Какой же ты бедный, а...

Сунь Цинфэн отвесил ему легкий шлепок ниже спины и, приобняв за плечо, потащил к пещере:

— Меньше болтай. Живо за стол.

Чжоу Синъюнь так и остался стоять на месте, замороженный безупречностью движений Сунь Цинфэна.

— Брат Чжоу, даже бессмертным нужно ужинать! — окликнул его Линьэр.

Очнувшись, даос улыбнулся и подошел к столу, который Линьэр уже успел вытащить наружу. Тот шустро расставлял пиалы и разливал прохладный кислый отвар из слив.

Среди всех ныне живущих в государстве Юн вряд ли нашелся бы человек, проживший дольше Сунь Цинфэна. С важным видом усадив Линьэра рядом и заставив его тщательно вымыть руки, он сел во главе стола. Синъюнь примостился напротив.

Стол был квадратным, и одно место пустовало. Линьэр по обыкновению просчитался и налил четыре пиалы отвара.

— Вечно ты все делаешь наперекосяк, — проворчал Цинфэн, придвигая лишнюю пиалу к Линьэру. — Либо допивай, либо посуду сегодня моешь ты.

— Если я много выпью, то ночью надуу в постель, — безмятежно парировал Линьэр, явно не собираясь делать ни то, ни другое.

Чжоу Синъюнь переставил пиалу на пустой край стола:

— Не браните Няньлана, брат Сунь. В даосизме главное — гармония с природой. Посмотрите вокруг: перед нами вся гора Хуашань, укутанная вечерним туманом и закатным багрянцем. Выпить чарку на троих с самой вселенной — разве это не прекрасно?

Сунь Цинфэн и Линьэр невольно переглянулись с немим вопросом на лицах: «Чего это он? Мы, простые люди, в высоких материях не сильны, лучше промолчим, чтобы не показаться дураками».

— Ладно уж, я сам допью, — рассмеялся Синъюнь.

Линьэр обожал такие посиделки. Он то и дело подкладывал гостю лучшие куски, забывая есть сам, и болтал без умолку. Его губы окрасились темным сливовым соком, отчего он выглядел на редкость уморительно.

Сунь Цинфэн не выдержал, протянул руку и грубовато, но заботливо вытер его рот рукавом:

— Чучело. Людей бы постеснялся.

— Некого мне стесняться, здесь все свои, — заулыбался Линьэр.

— У вас отличные кулинарные таланты, брат Сунь, — похвалил Синъюнь, пригубив кислый отвар.

Линьэр, прикусив палочку, искоса взглянул на Цинфэна и заговорщически прошептал:

— Брат Чжоу, спорим, ты в своих странствиях ничего вкуснее не пробовал?

Поймав свирепый взгляд Цинфэна, он поспешно исправился:

— Хотя... ты ведь столько дорог исходил, даже меч Ваншу отыскал, наверняка повидал всяких деликатесов.

Сунь Цинфэн немного поостыл и принялся молча уплетать рис.

Линьэр ел мало. Ему не терпелось расспросить Синъюня о временах династий Лян и Чжоу. Покружив вокруг да около, он наконец задал вопрос, который давно не давал ему покоя:

— Брат Чжоу, скажи... Чжэси Байма и Цэнь Фэйюй были великими героями, гремевшими на всю поднебесную. Почему же они отказались от женской ласки и предпочли сойтись друг с другом?

Сунь Цинфэн поперхнулся рисом и сердито прикрикнул:

— Какое тебе дело до чужих постелей? Будешь забивать голову этой ерундой — постригу в монахи! Брат Чжоу, не слушайте его глупости.

Синъюнь мягко улыбнулся:

— О таком я, признаться, не задумывался. Мир велик, и путей в нем не счесть. Если двое находят друг друга и решают делить жизнь до конца, у каждого на то свои причины. Наверное, это просто зовется взаимным чувством. Все происходит естественно, само собой.

— Взаимное чувство... естественно, — задумчиво повторил Линьэр. — Кажется, я понял. Спасибо, брат.

\*\*\*

«И что же ты понял?» — хмуро размышлял Сунь Цинфэн.

Он и сам чувствовал, как в его душе зреет смятение, но, не зная, что с этим делать, предпочитал плыть по течению. Сказав Линьэру прибрать посуду, он ушел к водопаду, решив сделать ежевечерние медитации своей привычкой, чтобы остудить горячую кровь.

Слова Синъюня расставили все по местам в голове Линьэра.

Он давно чувствовал, что Сунь Цинфэн для него — не просто названный отец или брат. Теперь он знал наверняка: во всей вселенной Сунь Цинфэн был единственным человеком, которого он любил не сыновней и не братской любовью. Он был тем, с кем он хотел разделить жизнь.

Осознав это, Линьэр загорелся желанием поскорее вырасти, победить страх перед «Божественным искусством Золотого облика» и встать рядом с ним как равный. А для этого нужно было возобновить свои тайные тренировки.

Наученный горьким опытом с осами, он придумал безопасный, как ему казалось, способ. Зная, что Цинфэн медитирует под водопадом, он решил тренировать задержку дыхания под водой прямо там же. Если он начнет тонуть, брат его сразу спасет — значит, это не считается опасным безрассудством, и Цинфэн не станет ругаться.

На следующий вечер, проведив Синъюня, Сунь Цинфэн принялся за мытье посуды, а Линьэр с головой ушел в чтение.

За окном догорал закат, окрашивая облака в пурпур и золото. Линьэр сидел у окна, его глаза лихорадочно блестели, а на лбу едва заметно переливалась Золотая печать. От зноя его щеки разгорячились ярче вечерней зари.

«Раньше он так не выглядел. Неужели это от практики?» — подумал Цинфэн. Увлечшись разглядыванием юноши, он неловко задел деревянную лохань. Линьэр даже ухом не повел, поглощенный книгой.

Решив, что малец сегодня затих и не станет чудить, Цинфэн буркнул пару напутствий и ушел к водопаду.

Стоило двери закрыться, как Линьэр подпрыгнул на месте. Отбросив трактат, он на цыпочках подкрался к щели в двери. Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, он радостно вскрикнул и бросился наружу, срезая путь по тайной тропинке, чтобы спрятаться в прибрежных зарослях.

Под водопадом Сунь Цинфэн, ничего не подозревая, погрузился в глубокую медитацию. Линьэр осторожно сполз в воду, подплыл поближе, набрал полную грудь воздуха и ушел под воду.

Сначала задерживать дыхание было легко. Юноше даже стало скучно, и он принялся сквозь толщу воды разглядывать Цинфэна, пуская изо рта веселые пузыри.

Потоки воды с грохотом обрушивались вниз. Сунь Цинфэн сидел на камне обнаженным по пояс, лишь бедра его были обернуты грубой тканью. Без Талисмана призрачного рождения его лицо дышало суровым мужским изяществом, а рельефные мышцы плеч и спины, испещренные старыми шрамами, манили взгляд.

Вскоре у Линьэра закружилась голова от нехватки воздуха. Ему показалось, что с Цинфэном происходит что-то странное. Тот вышел из-под струй воды, сел на плоский валун и, убедившись, что вокруг никого нет, заметно расслабился.

Из-за расстояния Линьэр не мог разобрать деталей, но видел, что дыхание воина сбилось, а сам

он тяжело вздыхает, словно от невыносимой муки.

«Что с ним?» — испугался юноша. Вынырнув у самого камня, он обеспокоенно спросил:

— Брат, тебе плохо? Сила взбунтовалась?

От неожиданности Сунь Цинфэн вздрогнул всем телом и яростно рявкнул:

— Ты что тут делаешь?!

В его глазах смешались изумление, гнев и глухая, отчаянная стыдливость.

— Да ничего я не делаю... А ты что делаешь? — растерялся Линьэр.

Цинфэн тяжело дышал.

— А ну брысь отсюда! — выдохнул он сквозь зубы.

— Но ты сам велел мне не попадаться тебе на глаза... то есть, наоборот, не выпускать тебя из виду! — Линьэр растерянно посмотрел на него. Обычного гнева от брата не исходило, поэтому страха он не испытывал.

— Отвернись... живо отвернись, — прошипел Цинфэн.

— Брат, ты точно в порядке? Ладно-ладно, поворачиваюсь, — юноша нехотя развернулся спиной, гадая, какую такую тайную технику практикует Цинфэн. Любопытство взяло верх, и он украдкой оглянулся. Брат торопливо вытирался куском ткани, лицо его пылало, а сам он крепко сжал зубы.

Линьэр, который в последнее время жадно познавал мир и много размышлял, мгновенно все понял. Указав на него пальцем, он победно воскликнул:

— Излишек требует выхода! Так вот как ты спасаешься!

— Ты! — Сунь Цинфэн чуть не рухнул с мокрого валуна в воду. Поняв, что скрываться бессмысленно, он махнул рукой, зашел поглубже в воду и принялся смывать с себя пот, больше не прячась от пристального взгляда.

Закончив, он, прямо как был, накинул на мокрое тело халат и принялся яростно стирать повязку в ручье.

— На что ты уставился? Чего там не видел? У самого такого нет? Иди отсюда, бесстыдник!

Линьэр впервые видел его тело так близко при дневном свете и почувствовал, как к горлу подступает странная, непривычная робость.

Но робость быстро сменилась искренним восхищением. Чтобы скрыть смущение, он подсел поближе и восторженно выдохнул:

— Брат, ты просто невероятный. Во всем лучше остальных!

— Заткнись! — Сунь Цинфэн густо покраснел.

Линьэру это показалось ужасно забавным. Он повис на его руке, канюча:

— Посмотреть-то я посмотрел, да ничего не понял. Брат, научи меня!

Сунь Цинфэн судорожно вздохнул и, отвернувшись, выдавил:

— Этому... этому не учат. Само придёт, когда время настанет. Раз не умеешь — значит, не дорос еще.

Водопад с ревом обрушивался в чашу озера, поднимая тучи мелких брызг. В полупрозрачном тумане весь мир казался зыбким сновидением. На зеркальной глади воды дрожали два силуэта, прильнувшие друг к другу.

Линьэр положил голову на плечо воина:

— Неужели ты сам до всего додумался? И в каком же возрасте? Где это было?

Сунь Цинфэн окончательно растерялся. В голове крутились сотни ругательств, но ни одно не шло с языка. Он смотрел на Линьэра круглыми глазами, напоминая кота, которого поймали за кражей сметаны.

— Не хочешь говорить — значит, врешь, — прищурился юноша и легонько провел пальцами по его подбородку.

— Руки убрал! — вскинулся Цинфэн, но тут же смущенно пробормотал: — В лагере Белого моря... Там не было женщин.

— Женщин?

— Мужчинам в казармах приходится самим справляться, — нехотя пояснил он.

Линьэр крепче обнял его за шею:

— Брат, но мне уже семнадцать. Тебе сколько было в лагере? Четырнадцать? Пятнадцать? Если со мной это случится прямо посреди дороги, я же со стыда сгорю.

— Да не случится это посреди дороги, дубина! — вскипел Цинфэн. — Зачем ты вообще за мной увязался? Подглядывать за старшими — разве так поступают благородные мужи?

Линьэр прикусил губу. Признаваться в тайных тренировках было нельзя.

— Я просто... хотел быть рядом с тобой. Только и всего.

После этих слов Сунь Цинфэн понял, что окончательно проиграл.

Он еще пытался сопротивляться, делая вид, что ничего не слышал, и порывался уйти. Но Линьэр не стал виснуть на нем мертвой хваткой — он лишь осторожно поймал его за один палец. И этой ничтожной силы хватило, чтобы удержать великого воина.

— Брат, мы вместе уже почти пять лет, — негромко произнес Линьэр, стоя у него за спиной. — Половина моего срока прошла. Тебе не надоело жить в вечном страхе? Мне — надоело. Почему бы нам просто не подарить друг другу немного радости?

Солнце окончательно скрылось за хребтом, уступив место мягким сумеркам. Прохладная темнота принесла с собой томительное освобождение от запретов. Сердце забилось чаще.

Сунь Цинфэн шумно вздохнул, развернулся и решительно притянул юношу к себе. Усадив его на тот самый плоский валун, он взял его узкую ладонь в свою, сравнивая их размеры.

— Когда я впервые увидел тебя на снегу, твои следы были меньше моей ладони, — негромко заговорил он. — А ручки и вовсе крошечные. Я боялся прикоснуться к тебе, чтобы не сломать. Хотел дать затрещину, чтобы привести в чувство, да испугался, что убью на месте.

Линьэр тихо рассмеялся:

— Ну не такой уж я и хрупкий.

— И в хижине нашей грязища была вековая, — с улыбкой вспомнил Цинфэн. — Думал, подцепишь какую-нибудь заразу и помрешь.

Теперь пальцы Линьэра вытянулись и окрепли. Он заглянул в глаза Цинфэна, чувствуя, как от его слов по телу разливается щемящее тепло.

— Вырос — и сразу перестал быть ценным? — лукаво прищурился он. — Теперь ты меня бьешь.

— Из-за одного шлепка будешь всю жизнь дуться? — хмыкнул Цинфэн. Называя себя «братом», он чувствовал странное умиротворение. — Я думал, перетерплю пару лет, ты вырастешь, и мы разойдемся каждый своей дорогой. Но ты никак не взрослеешь. С каждым годом от тебя только больше хлопот.

Широкий халат Цинфэна распахнулся. Сидя у него на коленях, Линьэр кожей ощущал его прохладу и скрытый жар, заставлявший дыхание перехватывать. Он попытался прижаться щекой к его груди, но Цинфэн мягко отстранил его, позволяя лишь уткнуться в плечо.

— Ты сам говорил, что я дьяволёнок и твое проклятие, — прошептал юноша.

— Наказание мое, — выдохнул Цинфэн. Наклонившись к самому уху Линьэра, он тихо, запинаясь, объяснил ему, что нужно делать, строго наказав «действовать осторожно», после чего отвернулся, делая вид, что увлеченно разглядывает скалы.

Линьэра обдало волной стыда, сквозь которую пробивалось неведомое прежде, острое блаженство. Он попытался повторить сказанное, но то ли от смущения, то ли нарочно у него ничего не выходило.

— Брат... мне неудобно. И больно, — пробормотал он.

Сунь Цинфэн сердито обернулся:

— Да кто же так тянет? Своё ведь, не чужое. Или род Чжао на тебе закончить решил?

— Ты же знаешь, я глупый, — взмолился Линьэр. Умница во всем, здесь он был сущим младенцем — или просто хотел, чтобы все сделали за него.

— Наказание господне, — проворчал Цинфэн, тоня в ласковой глубине его глаз. — Закрой глаза.

Он стянул с головы Линьэра шелковую повязку с нефритовой эмблемой Тайцзи и аккуратно повязал ее поверх его глаз, закрепив узлом на затылке.

— Не туго? — спросил он, коснувшись пальцем узла.

Линьэр, лишившись зрения, инстинктивно потянулся на звук его голоса. Сквозь плотный шелк пробивались лишь смутные очертания. Он покачал головой, коснувшись кончиком носа щеки Цинфэна:

— Нет. Главное — что ты здесь.

— И не вздумай подглядывать. Мне за двоих стыдно, — Цинфэн легонько боднул его лбом, заставляя откинуться назад, и накрыл его ладони своими, направляя каждое движение.

Линьэр послушно замер. В темноте все ощущения обострились до предела. Он чувствовал надежное тепло сильных рук, обнимавших его так бережно, словно он был величайшей драгоценностью в мире. Каждое прикосновение грубых, покрытых мозолями пальцев отзывалось в теле электрическими разрядами.

Цинфэн казался ледяным, но там, где его кожа касалась Линьэра, вспыхивало пламя. Оно плавilo преграды, превращая мысли в чистый, звенящий восторг. Словно по бескрайней степи неслась лавина диких коней, вздымая тучи пыли — в голове у Линьэра царил сладостный хаос, но он никогда еще не был так счастлив.

Ночь укрыла их своим темным, бархатным покрывалом. В тишине раздавалось лишь прерывистое, частое дыхание юноши, щекотавшее шею Цинфэна.

«Все правильно, — думал Сунь Цинфэн, бережно прижимая его к себе. — Два названных брата, столько лет вместе... Это естественно»

Но почему же от этой простоты так сладко щемило в груди?

Наверное, потому, что все шло своим чередом — так, как повелела сама природа.

<http://bllate.org/book/18425/1863136>